

Евгений Савицкий

Амбивалентности советского интернационализма в политике и культурной практике

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_381

Kirasirova M. The Eastern International: Arabs, Central Asians, and Jews in the Soviet Union's Anticolonial Empire.

Oxford: Oxford University Press, 2024. — X, 401 p. —
(Oxford Studies in International History).

**Koivunen P. Performing Peace and Friendship:
The World Youth Festivals and Soviet Cultural Diplomacy.**

Berlin; Boston: De Gruyter; Oldenbourg, 2022. — VIII, 303 p. —
(Rethinking the Cold War; vol. 9).

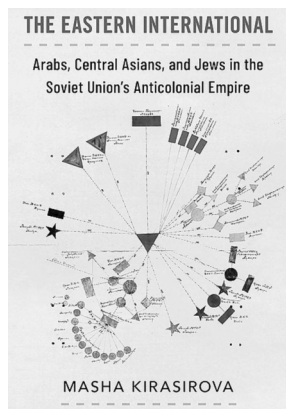
**Edgar A. Intermarriage and the Friendship of Peoples:
Ethnic Mixing in Soviet Central Asia.**

Ithaca; L.: Cornell University Press, 2022. — XIV, 284 p.

Рассматриваемые в этом обзоре книги посвящены тому, как важная для СССР легитимация себя в качестве антиколониального государства то и дело вступала в противоречие с тенденциями внутренней политики, делая ее неоднозначной и открывая возможности для различных трансформаций. Действующими лицами этих процессов были не только партийные и государственные деятели, но и рядовые политические активисты из центра и с периферии, и учившиеся в Москве иностранные студенты, и участники международных фестивалей, и ученые-этнографы, и те, кто решал вступить в этнически смешанный брак. В этих исследованиях предпринимается попытка уйти от характерного для теории тоталитаризма взгляда на советское общество сверху вниз, как на состоящее из институтов подавления и их жертв. Это касается в особенности среднеазиатских республик и живших там людей, роль которых в сотворении страны в целом и ее частей¹, а также в изменении политических и культурных приоритетов до сих пор зачастую недооценивается². Кроме того, в последние годы наблюдается смещение интереса историков, особенно американских, от причин распада Советского Союза³ к тому, что обеспечило его довольно длительное существование как многонационального государства. Так, например, Д. Сахадео, полемизируя с Ю. Слэзкинским и Ю. Фюрст, пишет, что дружба народов и инсценирующие ее фестивали не были лишь идео-

-
- 1 См.: *Халид А. Создание Узбекистана: нация, империя и революция в раннесоветский период* / Пер. с англ. К. Тверьянович, А. Рудаковой. Бостон; СПб., 2022; *Дриё Х. Кино, нация, империя: Узбекистан 1919–1937* / Пер. с фр. В. Петрова. Бостон; СПб., 2023.
  - 2 Ср.: *Чупринин С.И. Оттепель: действующие лица*. М., 2023.
  - 3 Ключевой работой была кн.: *Suny R. Revenge of the Past: Nationalism and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, 1993.

логической ширмой⁴. Воспринимаемая людьми вполне серьезно, эта идеологема обретала реальность в сознании и поступках обычных людей, обеспечивая высокий уровень социальной и региональной мобильности в позднем СССР, который в этом отношении вовсе не был «застойным». Эта мобильность, в свою очередь, оказывала значимое воздействие на происходившие в СССР изменения. Подобный пересмотр советской истории сквозь призму возникшего тогда особого опыта мультиэтничности происходит и в ряде других работ.

Книга профессора Нью-Йоркского университета в Абу-Даби Маши Кирасировой «Восточный интернационал: арабы, выходцы из Средней Азии и евреи в советской антиколониальной империи» посвящена истории людей, которых автор определяет как посредников в формировании глобальных антиколониальных связей СССР⁵. Внимание к этим людям, их сетям взаимодействий, групповой идентичности и интересам позволяет, по словам Кирасировой, увидеть Советское государство глазами самих действующих лиц, с учетом особенностей их мышления. Такой подход направлен на уход как от «тоталитарных» исследовательских моделей, согласно которым советский строй представлял собой монолитное единство, контролировавшее

атомизированное общество, так и от односторонности ревизионистских подходов, для которых идеология была лишь прикрытием для чего-то еще, что «реально» происходило и что может быть раскрыто посредством социальной истории или истории советской субъективности⁶.

Как отмечает Кирасирова, большевики активно пользовались оппозицией Запада и Востока, что проявилось в создании отдельных «восточных» институций вроде Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ). Это повлияло на последующую историографию, где западные и восточные аспекты политики обычно рассматриваются отдельно, причем вторым уделяется намного меньше внимания. Между тем Средняя Азия, как и Закавказье, имела для советского строя особое значение — в качестве витрины успешных, как считалось, постколониальных трансформаций.

В первой главе рассматривается деятельность К.М. Трояновского (1876—1951), приехавшего с Лениным из Швейцарии и занимавшегося утверждением советской власти в Средней Азии, а также распространением мировой революции на сопредельные страны. Однако, как показывает Кирасирова, цели местной освободительной борьбы не всегда совпадали с тем, о чем мечтали коммунисты русского или еврейского происхождения. Имели значение и прагматичные соображения московского большевистского руководства, стремившегося прежде всего консолидировать свою власть в регионе и осознававшего ограниченность имеющихся ресур-

4 См.: Сахадео Д. Голоса советских окраин: жизнь южных мигрантов в Ленинграде и Москве / Пер. с англ. Д. Чагановой. М., 2023. С. 80—81, 98—99.

5 Изучению культурных посредников уделяется большое внимание в современной историографии. См., в частности: Дэвис Н.З. Путешествия трикстера: мусульманин XVI в. между мирами / Пер. с англ. Н. Лужецкой. М., 2023; Кэмпбел Я. Знание и окраины империи: казахские посредники и российское управление в степи, 1731—1917 / Пер. с англ. А. Разина, И. Захаряевой. Бостон; СПб., 2022.

6 См.: Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М., 2023; Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Пер. с англ. С. Чачко. 3-е изд. М., 2023.

сов. Советско-английское торговое соглашение (1921) позволило РСФСР начать выход из международной политической и экономической изоляции, но одновременно способствовало прекращению протестного движения в Британской Индии, привело к краху Гилянской республики в Иране и поставило крест на идее экспорта революции в этом регионе⁷. Советское руководство пожертвовало восточным, антиколониальным направлением политики ради улучшения отношений с Западом, и для многих это было большим разочарованием. Трояновский в 1921 г. был исключен из партии, остаток жизни он занимался научной работой.

После остановки внешней экспансии происходит поворот к культурной политике, и особое значение здесь обретает деятельность КУТВ, которому посвящена вторая глава. По мысли Сталина, имя которого носил университет, представители внутреннего Востока должны были привлекать к сотрудничеству с СССР представителей зарубежных азиатских стран, и все они должны были сплачиваться в единую революционную силу. Однако на деле обнаруживалось много препятствовавших единению различий. Так, европеизированный турецкий поэт Н. Хикмет иронизировал над диковинными нарядами среднеазиатских юношей; среди арабских студентов давали о себе знать локальные и религиозные различия, а общая светская национальная идентичность была очень слабой.

Кирасирова обращает внимание и на то, что многие студенты занимались самоинсценировкой, чтобы быть зачисленными в университет, искажая свое настоящее классовое и этническое происхождение⁸. Кроме того, «восточная отсталость» была хорошей защитой от обвинений в политических ошибках. Стремившиеся выдвинуться студенты руководствовались не столько Марксом, сколько навыками колониальной мимикрии, и КУТВ оказывался похож на миссионерские школы.

После расправы Чан Кайши над коммунистами в 1927 г. Сталин отказывается от политики единого фронта с буржуазными национально-освободительными движениями, и социальное происхождение теперь контролируется более строго, что сужает возможности привлечения слушателей. Одновременно начинает проводиться курс на коренизацию ближневосточных компартий, в которых до сих пор преобладала интеллигенция из национальных и этнических меньшинств. Это приводит к расколу в Сирийско-ливанской компартии, где было много армян, а также к кризису в Компартии Палестины, которая осталась преимущественно еврейской, но должна была отказаться от дальнейшего привлечения евреев. Евреи преобладали и среди преподавателей КУТВ, что все чаще становилось причиной конфликтов с арабскими студентами.

Возглавлявший в 1930—1934 гг. Восточный отдел Исполкома Коминтерна Г.И. Сафаров прославился развернутым в 1919 г. террором против русских поселенцев в Казахстане. Хотя большинство из них поддерживало революцию, для Сафарова они были колонизаторами и подлежали выселению, что сопровождалось разными жестокостями. На ситуацию в Палестине Сафаров переносил свое видение Средней Азии, солидаризируясь с арабами против еврейских поселенцев, и это влияло на внутреннюю ситуацию в КУТВ, где студенты начали писать доносы на преподавателей.

7 См.: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918—1924: от интервенции к признанию. М., 2019; *Персидский фронт мировой революции: Документы о советском вторжении в Гилян (1920—1921) / Сост. М.А. Персиц.* 2-е изд., испр. М., 2017.

8 Ср.: *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М., 2011; *Хлевнюк О.* Корпорация самозванцев: теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023.

В середине 1930-х гг. происходит постепенный отказ от стигматизации русских как проводников имперской политики на окраинах, из книг по истории исчезают критика русского колониализма и упоминания о Туркестанском восстании 1916 г.⁹ Проводниками колониализма провозглашаются сотрудничавшие с царизмом местные феодалы. Это было связано с отказом от политики коренизации внутри СССР, однако вовне эта политика продолжалась, и КУТВ теперь готовит преимущественно зарубежные кадры. По словам Кирасировой, в последние годы существования университета большинство арабских студентов были малограмотными, хотели бороться с евреями, а не с буржуазией, а в остальном избегали высказывать свое мнение из-за страха репрессий. В 1938 г. университет был закрыт, пав жертвой накопившихся внутренних противоречий и сталинских чисток.

Далее автор переходит к теме послевоенного разворота в сторону русского патриотизма, критики западной культуры и борьбы с космополитизмом. Ближневосточные компартии смогли пережить репрессии 1939—1941 гг. на британских и французских подмандатных территориях, и для многих ближневосточных интеллектуалов СССР оставался символом построения более свободного будущего. В русской литературе они находили созвучную их собственным размышлениям критику западных ценностей¹⁰. В 1947 г. организуется визит в СССР делегации сирийских и ливанских интеллектуалов, в той или иной мере имевших левые симпатии. Однако затем поддержка Советским Союзом раздела Палестины и образования Израиля вызвала серьезный кризис в отношениях с местными компартиями, привела к резкому сокращению их численности.

Вызывало много вопросов и то, каким образом совместим с борьбой против колониализма провозглашенный Н.С. Хрущевым курс на мирное сосуществование. Это стало одним из предметов разногласий с Китаем, стремившимся к утверждению собственного влияния на новые независимые государства. В дальнейшем Хрущев то и дело жертвовал ближневосточными коммунистами ради выстраивания хороших отношений с пришедшими к власти арабскими националистами. Так, после Июльской революции 1952 г. в Египте правительство Г.А. Насера стало преследовать коммунистов жестче прежнего, что не помешало советско-египетскому сближению в преддверии Суэцкого кризиса 1956 г. и продолжению сотрудничества позднее. На XXI съезде КПСС Хрущев открыто критикует Насера за репрессии против коммунистов, но аресты продолжаются; в том же году в Сирии, входившей тогда вместе с Египтом в состав Объединенной Арабской Республики, был запытан до смерти лидер Ливанской компартии Фарджалла эль-Хилу.

Таким образом, линия Международного отдела ЦК КПСС вступала в противоречие с более прагматичной политикой МИДа. В конце концов непартийный подход возобладал, и для его оправдания Г.И. Мирский и Е.М. Примаков придумали теорию «революционной демократии»: при слабом пролетариате революционно-демократической силой могут выступить мелкая буржуазия и младший офицерский состав армии, которые и поведут страну к социализму. СССР заставит самораспуститься компартии Сирии, Ирака и Египта.

В ответ на критику со стороны КНР и других постколониальных стран СССР решает продемонстрировать образцовый характер советского преобразования Средней Азии: дескать, ее сохранение в составе СССР не имеет ничего общего с прежним

9 См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923—1939 / Пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. М., 2011. С. 468—592.

10 Ср. о чтении Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого афроамериканцами: *Петерсон Д.* Долой оковы! Русская и афроамериканская литература этнической «души» / Пер. с англ. Д. Гаричева. Бостон; СПб., 2024.

русским колониализмом. Этим Кирасирова объясняет особую поддержку Хрущевым Н.А. Мухитдинова, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана в 1955—1957 гг., а с 1957 г. — члена Президиума ЦК КПСС. При Мухитдинове в Узбекистане открываются новые заводы и вузы, удваивается число институтов Узбекской академии наук, Ташкент превращается в образцовый современный город и начинает активно принимать зарубежных гостей, особенно из стран Азии и Африки, в налаживании связей с которыми Мухитдинов активно участвует. Происходит ревизия сталинской политики — вплоть до реабилитации и посмертного восстановления в партии А.И. Икрамова. Мухитдинов говорит о необходимости сохранять бдительность в отношении буржуазного национализма, но в то же время и не допускать ложных обвинений в нем. Мухитдинов пал в 1961 г., поскольку М.А. Сулов, А.И. Микоян и Ф.Р. Козлов сочли диспропорциональность в развитии Узбекистана и проводимую там политику коренизации угрозой стабильности СССР.

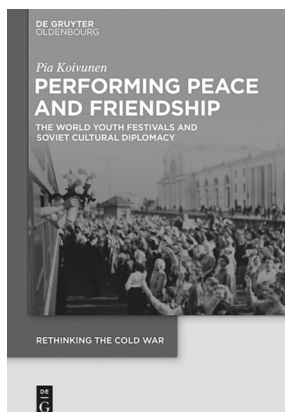
Тем не менее значение Узбекистана как витрины образцовой деколонизации сохранилось и при Ш.Р. Рашидове, усилиями которого организуется Международный кинофестиваль стран Азии и Африки в Ташкенте (1968) и много других знаковых международных форумов, благодаря которым, по словам Кирасировой, Средняя Азия превращается в ключевую афро-азиатскую контактную зону. СССР также активно отправляет среднеазиатское кино и делегации из деятелей искусств на ближневосточные фестивали, хотя там не всегда были этим довольны, поскольку больше интересовались европейским советским искусством. При Рашидове предпринимаются и попытки создать такую версию установления советской власти в Узбекистане, которая была бы приемлема внутри и вне страны. На примере истории создания фильма «Буря над Азией» (1964, реж. К. Ярматов), сценарий которого обсуждался с участием самого Рашидова¹¹, Кирасирова показывает, что убедительно согласовать разные версии прошлого, национальное сопротивление и руководящую роль РСДРП(б), так и не удалось.

Автор приходит к выводу, что представители Средней Азии, и особенно Узбекистана, имели для позднесоветской внешней политики то же значение, что и добившиеся к концу 1960-х гг. гражданских прав афроамериканцы для внешней политики США: они демонстрировали позитивное мультиэтническое лицо страны. Однако руководители и деятели культуры советских среднеазиатских республик не были лишь пассивными исполнителями директив из центра. Подобно лидерам движения за гражданские права в США, они активно использовали внешнеполитическую ситуацию в собственных внутриполитических целях, реагируя на все более усиливавшееся к концу советской эпохи давление снизу.

Фестивалям как событиям, во время которых сталкивались внутри- и внешнеполитические задачи, стремление к расширению влияния и страх чрезмерной открытости, посвящена книга доцента Университета Турку Пии Койвунен «Воплощая мир и дружбу: всемирные фестивали молодежи и советская культурная дипломатия». Основное внимание уделяется московскому фестивалю 1957 г., а также его предыстории начиная с пражского фестиваля 1947 г. Интерес к этой теме возник у Койвунен из знакомства с личными воспоминаниями и сувенирами финских участников, на основании которых складывался исключительно позитивный образ фестивалей: они были возможностью посетить за небольшие деньги другие страны (и это во времена, когда зарубежные поездки были все еще редкими и дорогими), встретиться там с другими молодыми людьми и весело провести время.

11 Рашидов был также писателем. В частности, в 1956 г. он опубликовал повесть «Кашмирская песня», посвященную борьбе индийского народа против колониального гнета.

При этом политическое значение фестивалей казалось второстепенным или даже вовсе незначимым. Между тем в современной историографии такие фестивали обычно трактуются как сугубо пропагандистские мероприятия, проходившие под жестким советским контролем и имевшие целью распространение советского влияния. Отмечается, что они не имели ничего общего с настоящей, основанной на свободном общении дружбой между людьми из разных стран. Обращается внимание и на особое внутривнутриполитическое значение фестивалей, в частности на связь московского фестиваля 1957 г. с политикой оттепели.

По мнению Койвунен, наличие столь разных трактовок делает необходимым исследование того, как соотносились между собой официальные задачи фестивалей и подходы к их организации с их восприятием участниками и населением тех городов, где они проводились. Подобно С. Микконену, автору книги об Обществе дружбы «СССР — Финляндия»¹², Койвунен считает, что значение культурных и спортивных обменов выходило за рамки официально предписанного. Они делали возможными очень разнообразными по характеру и культурным последствиям контакты между людьми. Конкретные обстоятельства проведения фестивалей, способы участия в них рядовых людей из разных стран придавали каждому из этих событий особый об-

лик, и советских истеблишмент не мог это полностью контролировать. Фестивали использовались для таких целей, как встречи эмигрантов с родственниками, установление контактов с единомышленниками, провоз запрещенной литературы и т.д. Книги Койвунен и Микконена вписываются в более широкий контекст исследований низовой советской культуры с их особым вниманием к тому, как советские граждане не только были объектами тоталитарного подавления, но и активно участвовали в конструировании советского, в трансформации его рамок¹³.

12 Микконен С. Дружба по расчету: культура и искусство в советско-финских отношениях, 1944—1960 / Пер. с фин. Я. Новиковой. М., 2024. См. также сборник статей под редакцией Койвунен и Микконена: *Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe* / Ed. by S. Mikkonen, P. Koivunen. N.Y.: Berghahn, 2015. Книге Койвунен предшествовала монография Й. Креколы о Восьмом всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки (1962): *Krekola J. Maailma kylässä 1962. Helsingin nuorisofestivaali*. Helsinki, 2012. См. об этом фестивале также: *Шорохова И.В.* Участие молодежи Карелии в VIII всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 г. // Карелия — приграничный регион России в XX—XXI вв.: формирование и становление карельской государственности в составе СССР/России: Сб. докладов. Петрозаводск, 2018. С. 86—91; *Она же.* Балет «Сампо» на VIII всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 г. // Рябининские чтения — 2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2019; *Она же.* Участие артистов Карелии в VIII всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 г. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 70—75.

13 См.: *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995 (часть книги переведена на русский: *Коткин С.* Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация») / Пер. с англ. Э. Филипповой, О. Леонтьевой // Американская русистика: вехи историографии последних лет: советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 250—328); *Ross C. Constructing Socialism at the Grass-roots: The Transformation of East Germany, 1945—1965*. Basingstoke, 2000; *McDougal A. Youth Politics in East Germany: The Free German Youth Movement, 1946—1968*. Oxford, 2004.

Сразу после Второй мировой войны СССР создает целый ряд международных организаций, не имевших открыто коммунистического характера, чтобы распространять свое влияние за пределы стран социалистического лагеря. Наряду со Всемирной федерацией профсоюзов (1945), Женской международной демократической федерацией (1945), Всемирной федерацией научных работников (1946) и др. появляются также Всемирная федерация демократической молодежи (1945) и Международный союз студентов (1946), которые в дальнейшем будут заниматься организацией фестивалей. Эти организации выступали с позиций не марксизма-ленинизма, а общегуманистических ценностей: мира, дружбы, взаимопонимания и демократии. Но на Западе все они стали рассматриваться просто как инструменты советской внешнеполитической пропаганды. По мнению Койвунен, реальность была более сложной. После произошедшего при Хрущеве поворота к политике мирного сосуществования СССР открывается для культурных и туристических обменов. В этих условиях происходит ослабление контроля над созданными международными организациями, чтобы они могли более эффективно выполнять роль посредников между Востоком, Западом и Глобальным Югом. Советские инициативы не были лишь политическими манипуляциями. Наряду с построением альтернативного социального и экономического порядка Советский Союз стремился продемонстрировать возможность иной, чем на Западе, свободной от коммерциализации культуры. В позднесталинское время СССР стал рассматривать себя как хранителя подлинной общечеловеческой культуры, которая все больше вырождается на Западе. Возникающие в конце 1940-х гг. фестивали молодежи и студентов должны были оказывать оздоровляющее воздействие на глобальные культурные процессы.

На концепцию фестиваля повлиял опыт всемирных выставок, скаутских съездов, спортивных олимпиад (Койвунен пишет, что в фестивалях реализовался замысел П. де Кубертена, который хотел, чтобы олимпийские состязания, как у древних греков, имели культурную составляющую), а также советский опыт организации массовых торжеств — майских демонстраций и физкультурных парадов.

Именно демонстрация советских культурных достижений было главной задачей Первого всемирного фестиваля молодежи и студентов, состоявшегося в Праге в 1947 г. Туда получили возможность поехать М.Л. Растропович и М.М. Плисецкая (даже несмотря на то что отец ее был расстрелян в 1938 г. как «враг народа»). Участвовавшие в фестивале советские граждане могли увидеть иную жизнь, где еще сохранялись остатки довоенного благополучия. В то же время, цитируя уже перестроечные воспоминания Плисецкой, Койвунен пишет, что контакты участников советской делегации строго контролировались; у них не было денег, чтобы что-то купить; они перемещались группами, распевая гимн фестиваля или скандируя лозунги; над каждым довлела угроза быть досрочно отправленным на родину. Участники из других стран, жаждавшие общения с советскими сверстниками, интерес к которым после войны был особенно силен, почти не имели для этого возможностей. Как отмечает Койвунен, такого рода ограничения вредили эффективности советского проекта, как и его эксплицитная политизация в виде повсеместных портретов Сталина и Готвальда.

Будапештский фестиваль 1949 г. ознаменовался усилением политического контроля, в частности отказом в участии югославской делегации. Впрочем, и этот фестиваль, как и пражский, воспринимался по-разному: многие вспоминают коллективное пение гимна как трогательный момент всеобщего единения, а вовсе не как принуждение. Третий фестиваль проводился в Берлине в 1951 г., когда была в разгаре Корейская война и западные страны более активно препятствовали участию своих граждан в советском мероприятии. Направлявшимся на фестиваль участникам отказывали в транзитных визах; триста британских делегатов были за-

держаны на несколько дней в американской зоне оккупации в Австрии; других участников пришлось вывозить из Франции польским кораблем, поскольку все поезда в Германию были отменены. По словам Койвунен, действия западных стран хорошо запомнились участникам фестиваля, поскольку противоречили пропагандистской риторике, согласно которой железный занавес накрыл Европу с востока. Создавалось впечатление, что на деле контактам еще недавно разделенной войной молодежи препятствует именно Запад. Во время фестиваля в западных медиа активно распространялись слухи о том, что участников кормят гнилым мясом, что среди них началась эпидемия холеры, что фестиваль постоянно сопровождается раздорами, но участниками это воспринималось как откровенная ложь. В Западном Берлине были организованы альтернативные культурные развлечения с бесплатным угощением, восточногерманских участников фестиваля призывали остаться на Западе, но особенно запомнившимся моментом было организованное председателем Союза свободной немецкой молодежи Э. Хонекером шествие в Западный Берлин, закончившееся столкновениями с западногерманской полицией, жестокие действия которой наглядно демонстрировали репрессивность капиталистического строя. В результате, резюмирует автор, бойкот со стороны западных стран не смог предотвратить проведение фестиваля, а вместо этого лишь еще больше толкнул его в советскую орбиту влияния.

Койвунен обращает внимание на то, что в воспоминаниях западных участников трех первых фестивалей отсутствует какая-либо критическая рефлексия, а ведь тогда был апогей культа Сталина. Она объясняет это тем, что весь реальный и вымышленный негатив озвучивался западной пропагандой, и идентифицировать себя с нею никто не желал, важнее было то позитивное, что удалось увидеть и пережить. В то же время многие ездили на фестивали просто развлечься и участвовали в них по много раз, специально для этого вступая в левые молодежные объединения.

Фестиваль в Бухаресте 1953 г. был, по словам автора, сталинским фестивалем без Сталина. Его статуи еще стояли, а многие учреждения носили его имя, но портреты и транспаранты с цитатами уже отсутствовали. Только что закончилась Корейская война, произошло восстание в Восточном Берлине, было неспокойно и в Польше. Незадолго до открытия фестиваля был арестован Л.П. Берия. Признаком наступления новых времен было и то, что после завершения фестиваля более двух тысяч финских участников по комсомольской линии смогли посетить Москву и Ленинград, хотя для въездного туризма СССР откроется только в 1955 г. По словам Койвунен, избранный в 1952 г. первым секретарем ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин понимал, что позднесталинская самоизоляция вредит распространению советского влияния, в том числе среди западной молодежи, и потому нужно сделать Комсомол более открытым для международных контактов, в частности постараться привлечь к организации фестивалей некоммунистические западные молодежные объединения. Для этого можно было ослабить контроль над Всемирной федерацией демократической молодежи и Международным союзом студентов.

После Бухареста возникает идея проведения фестиваля в Москве. Однако, поскольку столица СССР была не готова к этому ни инфраструктурно, ни политически, было решено провести фестиваль 1955 г. где-то еще, а московский отложить до 1957 г. Койвунен подчеркивает, что решение о проведении фестиваля в Москве было принято за два года до XX съезда. Подготовка фестиваля, таким образом, не была следствием произошедших на съезде перемен, а во многом прокладывала им путь. После долгих обсуждений принять фестиваль 1955 г. не совсем охотно согласилась Варшава. Нежелание проводить фестиваль было связано прежде всего с тем, что он был тяжелым финансовым бременем. Расходы в основном несли именно СССР и его союзники, приезд западных участников, а также участников из стран

Азии, Африки и Латинской Америки дотировался. Западные левые просоветские организации были способны лишь на совсем незначительные денежные взносы. Перераспределение финансовой нагрузки было одним из аргументов руководства ВЛКСМ в пользу более активного привлечения западных партнеров, об этом Шелепин прямо писал в 1955 г. в ЦК КПСС.

В случае с варшавским фестивалем особой трудностью было то, что даже среди членов Союза польской молодежи более 70% были верующими. Папа Пий XII запретил им участвовать в фестивале и организовал альтернативный католический съезд. В результате поляки готовили варшавский фестиваль без энтузиазма, плохо его рекламировали, не стремились к расширению сложившейся программы. Кроме того, как до этого в Румынии, пошли слухи, что из-за фестиваля совсем не станет еды, опять введут карточки. Отношение значительной части населения к фестивалю было враждебным. Поезда с участниками и места их жительства забрасывались камнями. Скандировались антисоветские лозунги. Были враждебные акции и в отношении западных немцев. Подвергались избиениям африканские и азиатские участники. При этом, как и на предыдущих фестивалях, более 80% участников были европейцами, а среди выходцев из Азии, Африки и Латинской Америки было много учившихся в Европе студентов. К организации фестиваля не удалось привлечь прозападные молодежные объединения, но менее строгий отбор участников привел к тому, что приехало особенно много «антисоветских элементов». В то же время, по данным советской цензуры, более 90% открыток, отправленных участниками фестиваля во Францию, Италию и Швейцарию, сообщали о фестивале и Польской народной республике только хорошее. Применительно к Англии это было 72%, к Западной Германии — 60%, к Бельгии — 100%, к Австрии — 97%.

Московский фестиваль должен был придать этому событию новый размах и в то же время избежать множества обнаружившихся проблем с организацией. На проведение фестиваля были выделены рекордные суммы; многое делалось и для того, чтобы к появлению тысяч зарубежных гостей подготовить жителей СССР, для которых еще недавно общение с иностранцем было сродни измене Родине. Наряду с мерами по повышению «культурности» советской торговли организовывалось изучение иностранных языков и истории зарубежных стран. Для подготовки советских граждан к беседам с иностранцами стали проводиться инструктажи по разным сложным темам, которые прежде замалчивались. Пропагандировалась даже терпимость к иным взглядам. ВЛКСМ пошел на конфликт с Союзом композиторов и Отделом культуры ЦК КПСС, легализовав джазовые оркестры и оказав им поддержку; в канун фестиваля в Москве их было уже более ста. Чтобы избежать обвинений в отсутствии свободы слова и свободы вести, были предусмотрены студенческие дискуссионные семинары и встречи представителей религиозных групп¹⁴. Были организованы художественные выставки, где, в частности, можно было увидеть работы Э. Булатова и О. Рабина, восточногерманских экспрессионистов и японских сюрреалистов, что способствовало признанию в СССР альтернативных соцреализму видов искусства. В западных медиа, как отмечает Койвунен, подготовку к фестивалю сравнивали с тем, как при Сталине гостям показывали приукрашенную реальность¹⁵.

14 См. также: *Герасимова О.Г.* К вопросу об участии Московского университета в подготовке и проведении Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 г. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2005. № 1. С. 35–64.

15 Ср.: *Орлов И.В., Попов А.Д.* See USSR! Иностранцы туристы и призрак потемкинских деревень. М., 2018; *Кузнецова Л.* Пространство советского курорта: свобода или контроль? // Новое литературное обозрение. 2014. № 126. С. 123–131. О туристических образах как важных наглядных воплощениях советской мечты см.:

Однако дело обстояло несколько иначе, и участники имели гораздо больше возможностей увидеть реальную жизнь СССР.

За несколько недель до начала фестиваля была предотвращена попытка смещения Хрущева консервативным крылом Президиума ЦК. Яркое открытие фестиваля стало празднованием победы курса на десталинизацию. Участники вспоминали, что никто не проверял их багаж, что можно было запросто пойти погулять по Красной площади и даже потанцевать на балу в Кремле. Один занзибарец даже пригласил на танец члена Президиума ЦК Е.А. Фурцеву. В целом, однако, суждения западных участников отличались амбивалентностью. Они видели, что жители страны, запустившей спутник, не могли себе позволить и пары новых костюмов в год. Весьма разнились оценки жилья и витрин магазинов. По словам Койвунен, в воспоминаниях можно найти своего рода бриколаж из официальной советской пропаганды и неоднозначных личных впечатлений. Для искренне веривших в коммунизм советская реальность была большим разочарованием.

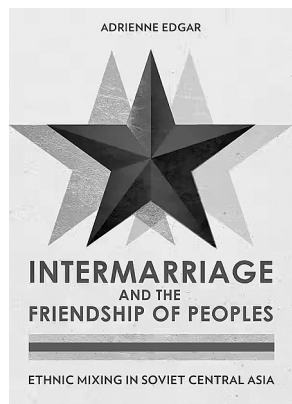
Советские воспоминания о фестивале гораздо менее обстоятельны. Они писались в основном позднее, в 1960-е гг., в перестройку и после распада СССР, когда важнее казались другие события. В этих воспоминаниях преобладает ощущение краткого, но очень хорошего праздника, говорится о всеобщей радости, яркости переживаний, о песнях и плясках на улицах, о возможности подружиться с первым встречным, об искренней непосредственности отношений. Так, писатель А. Макаров утверждал, что все время был в состоянии экзальтации и не помнит, ел ли и спал ли в те дни, он просто был счастлив¹⁶. Другой участник писал, что в те дни будто марсиане высадились и бродили по городу. Койвунен отмечает, что вследствие сталинского запрета на контакты с иностранцами встречи с ними вызывали особую эйфорию. Их появление разрушало многие стереотипы: они не выглядели ни как нищие пролетарии, ни как капиталисты с сигарами, демонстрируя, подобно подвижным манекенам, привлекательность западной культуры потребления. Даже африканские участники были одеты слишком хорошо, чтобы быть похожими на полуголых угнетаемых дикарей. Советские граждане видели образованных африканских и азиатских студентов, владеющих несколькими языками, одетых по-европейски, но не забывающих собственную культуру. Важно было и открытие альтернативных способов быть коммунистом. Наряду с левыми активистами в Москву, однако, приехали и канадские духоборы, желавшие посмотреть свою историческую родину. Члены израильской делегации, выглядевшие уверенными в себе, не скрывавшие национальность и веру, были удивительным примером для переживших борьбу с космополитизмом советских евреев. Для делегатов были организованы посещения как православных храмов, так и костелов, синагог, мечетей, мест собраний разных протестантских групп. От бесед с верующими возникало впечатление, что никаких религиозных гонений в СССР нет. Впрочем, отмечает Койвунен, священники прошли перед фестивалем специальную подготовку. А студенческие дискуссионные семинары оказались скучным зачитыванием заготовленных деклараций, что организаторы объясняли необходимостью перевода. Количество участников таких «дискуссий» ограничивалось.

Коенкер Д. СПАсибо партии: отдых, путешествия и советская мечта / Пер. с англ. В. Петрова. Бостон; СПб., 2021; *Кузнецова Л.А.* Дискуссии о форме и содержании советского курортного отдыха (1920-е — 1930-е гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2018. № 4 (43). С. 98—106.

16 О карнавальности фестиваля 1957 г. см.: *Зеверт Д.Л.* Советский карнавал: от политического шествия до «праздника для народа» // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 4 (6). С. 118—125.

Тем не менее, заключает автор, фестиваль имел важные политические и культурные последствия для СССР. Он не был лишь инструментом пропаганды, множество участников делало из этого события то, что было нужно им, и властям приходилось с этим считаться. При этом, как видно из воспоминаний, ни советские граждане не стали меньшими патриотами своей страны, ни западные участники не обратились в коммунистов. То, что происходило на фестивале, не следовало черно-белой логике холодной войны.

Амбивалентностям советского интернационализма посвящена и книга профессора Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Эдриен Эдгар «Смешанные браки и дружба народов: межэтнические связи в советской Центральной Азии»¹⁷. Исследование основано главным образом на устных интервью с жителями бывших Казахской и Таджикской ССР. В этих беседах постоянно упоминалось о существовавшем в советское время духе интернационализма, о том, что национальность человека не имела значения, что все были просто советскими гражданами. В то же время нередкими были рассказы о дискриминации людей смешанного происхождения. Те же самые люди, которые говорили о неважности национальной принадле-

жности, охотно обсуждали расхожие тогда этнические стереотипы: казахи гостеприимны, русские пьют, азербайджанцы патологически ревнивы и пр.

По мнению Эдгар, этот парадокс указывает на внутренние противоречия в советском мультиэтничном государстве, которые проявлялись уже в том, что идеология интернационализма совмещалась, особенно в позднесоветское время, с примордиализмом в понимании национальности. Последняя осмыслялась как наследуемая биологически и определяющая черты характера человека. В период между Октябрьской революцией и Второй мировой войной национальность определялась как историческое явление, основанное на общих культурных корнях, а не на основе кровной общности¹⁸. Однако затем это меняется. Будучи основой территориального деления, нации стали восприниматься как вечные, бессмертные. Не в последнюю очередь такому их переосмыслению способствовало возрождение начиная с 1960-х гг. генетики, ранее разгромленной Сталиным¹⁹. В советской этнографии под влиянием работ Ю.В. Бромлея, директора Института этнографии АН СССР с 1966 по 1989 г., утверждается биосоциальное понимание этноса. Наиболее яр-

17 См. также: *Intermarriage from Central Europe to Central Asia* / Ed. by A. Edgar, B. Frommer. Lincoln, 2020.

18 Примордиализм, отмечает Эдгар, отрицался Сталиным в его каноническом определении: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (*Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос. М., 1950. С. 22). В полемике со сторонниками Бунда и грузинскими меньшевиками Сталин настаивал, что «общность эта не расовая и не племенная», что нация — это «историческая категория определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма» (Там же. С. 15, 37). См. также: *Хири Ф.* Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза / Пер. с англ. Р. Ибатуллина. М., 2022. С. 52—53. О сталинском повороте к примордиализму с конца 1930-х гг. см.: *Мартин Т.* Указ. соч. С. 606—617.

19 *Pollock E.* Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, 2006; *Graham L.* Lysenko's Ghost: Epigenetics and Russia. Cambridge, MA, 2016.

кой фигурой, выдвигавшей альтернативные теоретические подходы, был в те годы Л.Н. Гумилев, понимавший этнос с еще более биологически детерминистских позиций и критиковавший смешанные браки. В результате, отмечает Эдгар, несмотря на официальную критику расизма, среди жителей позднего СССР все больше утверждались, по сути, расистские взгляды, способствовавшие подъему радикальных националистических движений²⁰.

В отличие от США, где долгое время проводилась политика расовой сегрегации, Советское государство всегда приветствовало межэтнические браки как проявление нерушимой дружбы народов. Считалось, что они постепенно позволят разным национальностям слиться в единый народ. Кроме того, в СССР, в отличие от Германии, США и Южной Африки, преобладали взгляды, что именно смешанное потомство оказывается наиболее крепким и здоровым. В то же время соотношение новой советской и исторической национальной принадлежности оставалось не вполне проясненным, и люди, родившиеся от смешанных браков, сталкивались со сложностями в поиске своего места в обществе из-за необычного облика, недостаточного знания местного или русского языка и т.д. При этом, хотя официально смешанными считались браки между людьми разных национальностей (согласно разработанной после 1917 г. системе национального деления), на практике, особенно в Средней Азии, важными границами были также религиозная принадлежность, родственные связи, социальный статус и образ жизни (оседлый или кочевой). Так, в Туркмении представители одного племени редко женились на представителях другого²¹. Во всей Средней Азии представители сакральных родов ходжей или сейидов женились в своем кругу. В то же время казахи, вступившие в брак с русскими, татарами или украинцами, часто не рассматривали свои семьи как смешанные из-за культурной близости. Таким образом, для многих советских людей национальность не была самым важным элементом идентичности. Тем не менее официальное понимание межнационального брака имело значение. Оно было создано после Октябрьской революции с упразднением церковного брака и постепенно было усвоено жителями страны, вытеснив иные понятия смешения. Так, бывшие граждане СССР из Центральной Азии понимают смешанный брак именно как брак между представителями двух национальностей. Созданные в советское время категории идентичности оказались весьма прочными.

Если в США и Великобритании во второй половине XX в. понятие межрасового брака все больше подвергалось критике, то в СССР отметки в паспортах, наличие территориальных национальных образований, национальных школ, газет, квот и т.п. укрепляли представление о существовании отдельных национальностей и национальной чистоте. По словам Эдгара, сами дискуссии о межнациональных браках, призванные размыть национальные границы, напротив, все больше укрепляли их, подрывая проект создания советского народа. Смешанные семьи стали заложниками этих противоречий, поскольку было недостаточно определять себя просто

20 Э. Вейц указывал на наличие расизма уже в национальных чистках 1930-х гг.: *Weitz E.D. Racial Politics Without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // Slavic Review. 2002. Vol. 61. No. 1. P. 1–29.* Н. Найт оспаривал значимость расы для советской культуры и политики первых десятилетий: *Knight N. Vocabularies of Difference: Ethnicity and Race in Late Imperial and Early Soviet Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. No. 3. P. 667–683.* См. также: *Ideologies of Race: Imperial Russia and the Soviet Union in Global Context / Ed. by D. Rainbow. Montreal, 2019.*

21 Туркменской ССР была посвящена более ранняя книга Эдгара: *Edgar A.L. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton; Oxford, 2004.*

как советских граждан, а однозначно отнести себя к какой-либо национальности они не могли. Несмотря на позитивное отношение со стороны государства, смешанные семьи постоянно сталкивались с целым рядом сложных вопросов: как называть ребенка, как определить гендерные роли в семье, как взаимодействовать с родственниками, делать ли ребенку обрезание и т.п. Даже если эти вопросы не вели к конфликтам, они требовали серьезного переосмысления сложившихся норм. Кроме того, вопреки поддерживаемым официальной советской этнографией представлениям о прогрессивности смешанного брака и о русских женщинах как об авангарде модернизации Средней Азии, в большинстве случаев жены добровольно или вынужденно принимали образ жизни мужей-мусульман и их родни. В некоторых случаях они затем даже поддерживали насильно устроенные свадьбы собственных дочерей. В подавляющем большинстве русско-мусульманских семей русскими были именно жены. Девушки из мусульманских семей в соответствии с нормами ислама не могли быть выданы замуж за немусульманина. Их держали взаперти, не позволяя ходить на танцы или даже просто гулять со сверстниками. Реалии советской Средней Азии были далеки от идеалов свободы жизненного выбора и гендерного равенства²². В отличие от других колониальных обществ, где смешение ограничивала доминирующая (то есть европейская) группа населения, в советской Средней Азии все обстояло наоборот, наибольшую открытость демонстрировали именно русские.

Представление о том, что в СССР не было сегрегации и конфликтов на расовой почве, вело к тому, что он исключался из обсуждения проблемы межрасовых гендерных отношений в колониальных и постколониальных обществах²³. Между тем, как отмечает Эдгар, советский опыт поощрения межэтнических браков не совсем уникален. Можно найти параллели между Центральной Азией, где смешанные браки между русскими и местными жителями должны были способствовать цивилизационному развитию последних, и аналогичной политикой в Австралии и Новой Зеландии²⁴. Также в странах Латинской Америки политика метисажа рассматривалась ее сторонниками как важное средство национального сплочения и развития²⁵. При этом если в Австралии, Новой Зеландии и Латинской Америке такая политика со второй половины XX в. осмыслялась все более критически (в том числе историками), то применительно к СССР и постсоветским государствам в этом плане сделано довольно мало.

Три рассмотренные книги интересны тем, что позволяют увидеть советскую историю с необычных ракурсов: оттепель — из Ташкента и Дамаска, куда был отправлен послом Мухитдинов; фестиваль молодежи в Бухаресте — глазами финских

22 По словам Сахадео, одним из мотивов для миграций из Средней Азии и Закавказья в Москву и Ленинград было именно освобождение от насильно предписываемых семьями норм поведения. Ознакомительные поездки по комсомольской линии и участие в фестивалях способствовали открытию иных жизненных возможностей для молодежи с окраин: Сахадео Д. Указ. соч. С. 132, 135.

23 Ср.: McClintock A. Imperial Leather: Race, Gender and Sexuality in the Colonial Contest. N.Y., 1995; Sex, Love, Race: Crossing Boundaries in North American History / Ed. by M. Hodes. N.Y., 1999; Stoler A.L. Carnal Knowledge and Imperial Power: Race and the Intimate in Colonial Rule. Berkeley, 2002.

24 Riddell K. Improving the Maori: Counting the Ideology of Inter-marriage // New Zealand Journal of History. 2000. Vol. 34. No. 1. P. 81—85; Ellinghaus K. Taking Assimilation to Heart: Marriages of White Women and Indigenous Men in the United States and Australia, 1887—1937. Lincoln, 2006.

25 Miller M. The Rise and Fall of the Cosmic Race: The Cult of Mestizaje in Latin America. Austin, 2004.

участников, фотографирующихся в национальных костюмах под памятником Сталину у зоопарка; дружбу народов — через непростые истории казахско-корейских, таджикско-татарских и русско-таджикских семей. В то же время амбивалентность советского интернационализма не трактуется как уникальная или патологическая черта, наоборот, она оказывается тем, что открывает новые возможности для критических сопоставлений по сравнению с теми, что стали обычными в рамках теории тоталитаризма²⁶.

---

26 Обзор написан в рамках проекта РНФ № 20-18-00482.